

КОРОТКО О КНИГАХ

ВИЛЕН САЛЬКОВСКИЙ. Смоленская дорога. Роман. М. «Советский писатель». 1987. 412 стр.

К нашему общему счастью, встречаются еще в жизни подвижники. Не добиты еще, не уничтожены нашими разломными летами, не затоптаны железной поступью эпохи, остались еще живые духом люди, которые где-то вдалеке от столиц тихо и незаметно делают свое дело, ставшее для них главным. Делают, несмотря на то, что заняты невпроворот работой для хлеба насущного, что одиноки, лишены общения с людьми своего уровня, не у кого и совета попросить, мыслями обменяться, что кроме работы приходится еще и на огороде вкалывать, иначе в деревне не проживешь...

Я говорю об авторе романа «Смоленская дорога» Вилене Сальковском, сельском учителе из деревни Капыревщина Смоленской области. Роман этот написан им более десяти лет тому назад, писался он тоже долго, около десяти лет, таким образом, и работа и ожидание публикации заняли и унесли — двадцать лет — треть жизни... Как подумаешь об этом, сердце сжимается от боли, ведь десять-то лет ушли понапрасну. Что значит ждать писателю публикации в течение такого долгого времени? Это и отчаяние, это и потеря веры в себя и в свое произведение, в редакциях же не говорят в открытую — не можем печатать, потому как «непрходимо», там, как правило, виляют, сомнения в художественности вещи высказывают, а автор-то неопытен, робок, свою ведь оценить ему трудно, ездить в Москву и бегать по редакциям и накладно и некогда. Давайте представим все это, тогда, может, и поймем, что слова мои о подвижничестве не пустой звук, а справедливая дань мужеству и стойкости писателя.

Вилен Сальковский попал на Смоленщину не по своей воле. Его отец был репрессирован, а семья выслана в эти места, где и застала их война. Детская память особая, и она, несомненно, помогла писателю в его работе над романом, где все действующие лица настолько выпукло выписаны, что производят впечатление списанных с натуры, хотя, наверно, это и не совсем так, потому что в романе видна и другая работа, работа историка, собирающего по кручинкам, по документам, по рассказам очевидцев ту правду, которая и обжигает читателя и которая в то же время и настораживает редакторов — уж слишком она

густа, корявая, неприглядна и так не похожа на написанное раньше и другими о партизанском движении.

И действительно прошли бои, отгремели бомбёжики и артобстрелы, задевшие почти каждую деревню, пережили люди ужас сражений у своих домов, потом немецкая армия зашагала дальше на восток, а в деревнях наступила вроде бы «мирная» жизнь, должен был мужик работать, огород поливать, урожай собирать, только вместо председателей колхозов встали во главе общин назначенные немцами старосты, но из своих же, из односельчан, ну и полицаи появились, но тоже как бы из своих — Васьки и Петьки из окружёнцев, бывших красноармейцев или сержантов... Один из старост спокойно принимает и укрывает секретаря райкома, оставшегося в оккупированном районе для организации сопротивления немцам, в общем, все как-то по-домашнему, вроде бы и не такая уж страшная жизнь началась — война-то ушла из этих мест, не бомбят, не стреляют, и надо как-то обустраиваться, приспособливаться в этой жизни...

Но было это затишье перед бурей. Не зря остался в оккупированном районе секретарь райкома, началось неизбежное сопротивление оккупантам... И полетели под откосы немецкие поезда, загромыхали взрывы в армейских складах и заполыхали смоленские деревни, подожженные карательными, загремели выстрелы массовых расстрелов, завертелась кровавая карусель, закрутила всех, даже тех, кто хотел в стороне остаться, и полилась реками кровушка русская, уничтожались селения, гибли целые крестьянские семьи, рушились семейные узы, разбивались горькие и короткие военные любови...

И все это выписано автором с такими подробностями, с такими зримыми деталями, с такой потрясающей подлинностью, что если бы не знать его возраст в те времена, то можно было посчитать его участником описываемых событий. Глубокое проникновение в народную жизнь, во внутреннюю суть каждого персонажа (а их очень много), раскрытие разнообразных человеческих судеб и характеров, умение завязать всех их в единый узел несомненно говорят о незаурядном таланте автора, потому что только талант способен создать такую яркую картину всенародной трагедии, в которой главным героем и является сам народ — голодающий, страдающий, убивающий и убиваемый, но героический...

Дело профессиональных критиков подробно рассмотреть и разобрать роман, мои же короткие заметки преследуют лишь одну цель — привлечь внимание читателей к этому достойному и многострадальному произведению.

Вячеслав Кондратьев.

АРСЕНИЙ ГУЛЫГА. Путями Фауста. Этюды германиста. М. «Советский писатель». 1987. 365 стр.

В книгу Арсения Гулыги наряду с работами о классиках немецкой литературы и состоянии советской германистики включены статьи-эссе, где автор выходит за рамки научного исследования. Здесь А. Гулыга, многократно бывавший в Германии, делится своими впечатлениями об этой стране, относящимися к разным годам — и к самым последним и ко времени окончания войны. Но эти впечатления не обычные воспоминания, а как бы переживания на германской почве тем и мотивов немецкой духовной истории, которые издавна интересовали и волновали исследователя. Свою задачу А. Гулыга видит в том, чтобы прояснить недостаточно проясненное коллегами-германистами, будь то представления о художественном методе в Германии второй половины XVIII века, будь то шиллеровские, с самого начала заигранные и развитые понятия «наивного» и « сентиментального».

И не случайно на многих страницах книги речь идет об Иммануиле Канте, наследие которого особенно сложно интерпретировать.

На мой взгляд, лучшая работа в сборнике — этюд о Канте-иронике. Чтобы написать о Канте как колючем сатирике, нужно увидеть Канта как бы изнутри его мысли. Нужно знать, что сатирическая жила в просветительский век порой нарочно не оголяется и не выставляется напоказ, что писатель часто довольствуется как бы беглой усмешкой — особое удовольствие в том, что противник не замечает издевательств. Канту глубоко запрятанные сатира и ирония были по вкусу. Удачно прослеживая у Канта иронические и сатирические подтексты, А. Гулыга как бы открывает новое окно на немецкого мыслителя, через которое еще никто на него не смотрел.

Скажу об одной частности. Наш автор в конце войны — в разгромленном Кенигсберге. Кто-то написал на могиле Канта мелом: «Теперь-то видишь, что мир материален». Сразу всплывает вопрос: «Разве бомбы и разгром лучше доказывают материальность мира, чем звезды и земля?» Но что поделаешь, если душа поражена преизбытком материального, извергающимся на тело, и если, подавленная этим преизбытком, она готова доказывать факт материальности мира великому человеку-мыслителю, который ее не слышит и не услышит... Сама история вела руку писавшего, и, стертые, эти слова уже не вычеркнуть из памяти, коль скоро они были прочитаны. Это вновь возвращает нас к текстам А. Гулыги: к его интересной статье о мифе

(«Миф и современность») и, конечно, к рассуждениям о Канте. Смыкаются линии мысли в книге Гулыги: Кант как необыкновенный феномен человеческой мысли, могила Канта в разрушенном городе, Кант как мифологема обыденного сознания. Тут же — сам автор, Арсений Гулыга, философ, свидетель поворотного этапа в судьбе Германии, он же писатель, умеющий взглянуть на Канта по-новому.

В нашей гуманитарной науке А. Гулыга — представитель знания, устремленного к синтезу. Отсюда, думаю, германист — как обозначение профессии того, кто, в сущности, занят не только историей немецкой литературы, философии, но также историей немецкой культуры. И на родную русскую культуру германист А. Гулыга смотрит как бы сквозь призму основной своей специальности. В который уж раз со времен Владимира Соллогуба получается, что русский человек привозит с собой Россию с Запада... В этом возвращении к себе и к своему — внутренняя эволюция автора, несколько скрытая от читателя сборника статей.

А. Гулыга не утаил от нас того, что к русской культуре, к осознанию ее ценностей он пришел через немецкую мысль, через ее изучение, и не в последнюю очередь благодаря выдающемуся слависту Людольфу Мюллеру. О нем Арсений Гулыга написал с вдохновением. И точно так же, щедро и прямодушно, он воздает по достоинству многим из тех, с кем встречался в жизни. Таков певец-антифашист Эрнст Буш, таков самоотверженный издатель философских текстов Рихард Майнер, таков всемирно известный гейдельбергский философ Ганс-Георг Гадамер. Воздавать всем по достоинству, отучаясь от высокомерия и самодовольства, — наш общий долг, который А. Гулыга исполняет с радостью. И это одна из самых примечательных и симпатичных черт его книги.

А. В. Михайлов.

В. Г. ГОРОХОВ. Знать, чтобы делать (История инженерной профессии и ее роль в современной культуре). М. «Знание». 1987. 175 стр.

Говорить об инженерной профессии, о ее роли в обществе нелегко. Язык техники другой — проекты и конструкции, соединяющие научные открытия с миром вещей, служащих человеку. Однако можно попытаться осмыслить инженерную деятельность, обратившись к ее истории в контексте культуры, к ее взаимоотношениям с ремеслом, наукой, искусством. За такое-то исследование и берется автор этой книги. Мы узнаем об «инженерных» заботах строителей египетских пирамид и «технических подвигах» Гефеста у Гомера, можем рассмотреть рисунок, на котором изображен водяной будильник Платона, и прочесть удивительное свидетельство об Архимеде, который «даже на собственном теле, натертом маслом, проводил пальцем какие-то линии — поистине вдохновленный Музами, весь во власти великого наслаждения».